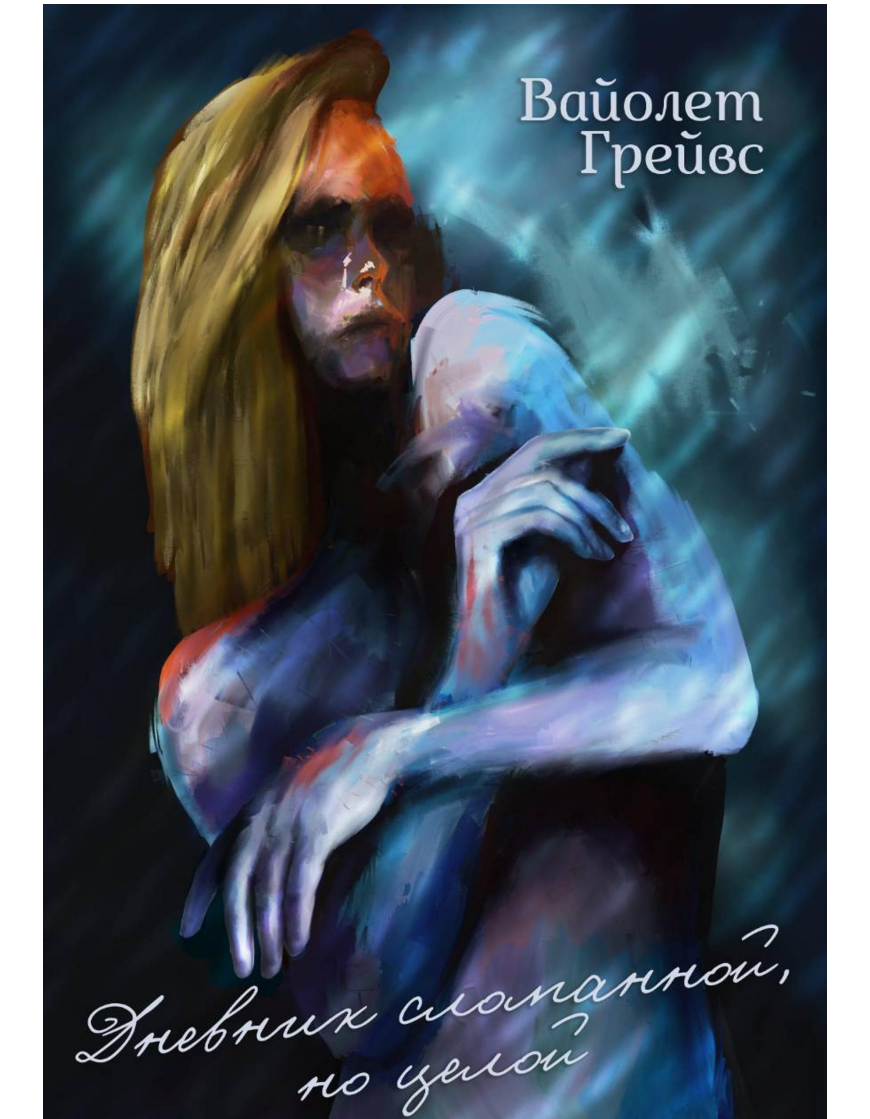

Вайолет
Грейвс

*Дневник сломанной,
но целой*

Вайолет Грейвс

Дневник сломанной, но целой

<https://litres.ru/74546032>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я - пленница собственно кошмара. Мне 12 лет, именно этот возраст я помню, когда мне приснился мой первый продолжительный кошмар. Во сне я всегда не та, кем являюсь в реальной жизни, ни внешне, ни внутренне. Далее это поможет мне отличать сон от реальности, ибо с каждым годом становилось труднее отличать эти два состояния

Во сне я вижу себя как бледную тощую фигуру, с длинными русыми растрепанными волосами. На мне лишь истончавшаяся белая сорочка, которая не греет, а лишь подчеркивает мою беспомощность. Сейчас я понимаю, почему я себя так видела во сне. Расскажу об этом позже.

Я не пью. Не потому, что нельзя. Потому что видела, что бывает, когда пьют.

Я осуждаю насилие, потому что чувствовала его на своей коже.

Эта книга — мои сны. В них холодно, страшно и больно. Но это не жалоба. Это свидетельство. Я пишу, чтобы вытащить себя из подвала. И если вы узнали себя — знайте: вы тоже можете проснуться.

Содержание

Глава 1	4
Сон 1. Ледяная река.	4
Глава 2.	8
Сон 2. Голем.	8
Глава 3	15
Сон 3. Погреб.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вайолет Грейвс

Дневник сломанной, но целой

Глава 1

Сон 1. Ледяная река.

Мы переехали в это село, когда мне было 5 лет. Рядом с нашим домом располагалась деревенская речка — обычная, тихая, где летом купались абсолютно все. Я помню путь к ней — прямо по улице, поворот на право, мимо полей, что затапливало в дождливые месяцы или когда сама река выходила из берегов. Но это та река, реальная. А есть другая — из моей ледяной бездны.

В моем сне всегда зима. Жестокая, белая, глухая зима, где сне наметает по колено, а мороз пробирает до самих костей. Я иду босая и мои ступни уже не чувствуют снега — только пульсирующую ледяную боль. Колени синие, почти черные, как и костяшки пальцев рук. С каждым шагом боль пронзает меня, я чувствую ее, как наяву. Я задыхаюсь от холода, кажется, еще мгновение и мои легкие разорвутся ледяными

иглами. Я падаю в сугроб. Я хочу умереть, чтобы это прекратилось.

Но смерть не приходит. Вместо нее приходит осознание — я сплю. Обычно, когда ты понимаешь, что ты во сне, ты можешь им управлять. Делать что хочешь или же сразу проснуться. Но я не могу.

Я не могу управлять своим телом, хоть и понимаю уже, что сплю. Я не могу выбраться из своего сознания... я как марионетка в собственной голове. Я одновременно наблюдаю за собой со стороны, и одновременно вижу от первого лица, чувствую эмоции и эту нескончаемую боль от холода.

Ветер хлыщет по лицу и я замечаю ту самую реку. Она не такая, как из моих воспоминаний. Ее поверхность — черная глыба льда, берег явно выше самой реки, а над ней располагается огромный ледяной мост, который ведет на другую сторону. Там я вижу ледяную стену, или мне так кажется из-за выюги, мне хочется посмотреть, что там дальше — на другой стороне, потому что это не дает мне покоя и помимо боли страха я начинаю испытывать сильную тревогу. Может, если я дойду до другого конца, я проснусь?

Я делаю шаг. Лед у меня под ногами не скользкий, а шершавый, словно наждак, и с каждым моим движением на его поверхности остаются кровавые следы от моих израненных ступней. Боль уже не острая, она стала приглушенной, уступив место всепоглощающему чувству тревоги. Я иду по мосту. Точнее, я уже на его середине. Сделав шаг, я оказалась

на полпути к стене. Смотреть вниз страшно. Внезапно я слышу голос. Это не мой голос. Он звучит в моей голове, но он не мой. Голос говорит: «Ты пришла. Мы ждали тебя. Ты думала, что спишь? Нет, ты просто еще не проснулась. Настоящая ты — там, внизу. А здесь ты — лишь воспоминание».

Я разглядываю свои руки. Кожа на костяшках светлая и прозрачная, сквозь неё виден лёд моста. Я направляюсь к ледяной преграде на другом берегу. Это не просто стена — это огромный, гладкий, как стекло, ледяной утёс. В его поверхности я замечаю своё отражение. Но оно не совсем похоже на меня. Я вижу лицо, очень похожее на моё: те же черты, длинные светлые волосы и белая сорочка. Единственное отличие — родинка на подбородке, которой нет в этом сне. Разве её нет у меня? Она всегда была частью меня, вызывала отторжение, но делала меня той, кто я есть. Значит, я всё таки во сне. Это все не реальное. Я смотрю в бесконечную выюгу, которая меня окутывает. «ПРОСЫПАЙСЯ», — кричу я что есть силы. «ПРОСНИСЬ ЖЕ. ПРОСНИСЬ. ТЫ СПИШЬ!» Я всё кричу и кричу, срывая горло. Но продолжаю смотреть на тёмное холодное небо, продолжаю чувствовать боль от холода.

Я дохожу до ледяной стены. Это не стена. Это занавес. Я протягиваю руку, чтобы отодвинуть его, и мои пальцы проходят сквозь лёд, как сквозь воду. Я делаю шаг вперед и оказываюсь... в своей комнате. В реальном мире. Маленькая комнатка, которая раньше была построена под печку. Кро-

вать, с грязным постельным бельем, раскиданные вещи, стол с ноутбуком и засаленное кресло. Картины по стенам, что еще не разорвала мать тоже висели на своем месте. Я ненавидела эту комнату. И одновременно любила её. Это был маленький уголок, где мне удавалось спрятаться хоть ненадолго от той жизни, где я пыталась выжить. Даже во сне я тут прячусь от своих кошмаров. Я села на кровать, укрывшись одеялом. Стало тепло и безопасно. Почему-то я уверена, что тут меня не найдут. Ложусь и закрываю глаза, проваливаясь в сон.

Я проснулась в той же позе что заснула. Ноги ноют. Они ледяные и болят.

Это был сон?

Глава 2.

Сон 2. Голем.

Я снова босая. Снова в одной сорочке, тонкой настолько, что она не скрывает, а только подчёркивает мою наготу перед этим миром. Пол под ногами — камень. Не холодный, а чужой. Гладкий, отполированный сотнями ног, но пустой. Я иду, и звук моих шагов не отражается от стен — его будто глотает пространство. Это место похоже на церковь, но в ней нет ничего святого. Нет крестов, нет икон — только высокие своды, уходящие вверх так далеко, что там, наверху, клубится туман. Он не поднимается от земли, он просто *есть*, как дыхание самого здания. Ветер здесь тоже есть, и он гуляет между колоннами, задевает мою сорочку, забирается под неё ледяными пальцами. Я обхватываю себя руками, но теплее не становится.

Мне страшно, но не так, как бывает, когда за тобой гонятся. Это страх пустоты. Страх того, что я здесь одна. Совсем одна. Я подхожу к первой скамье и заглядываю под неё. Ничего. Только пыль, которая не двигается, даже когда ветер проходит над ней. Вторая скамья — ничего. Третья, четвёртая. Я не знаю, что ищу, но что-то гонит меня вперёд, заставляет заглядывать под каждую, будто там может быть ответ.

Или выход. Или хоть кто-то.

И тут открывается дверь. В храм входят люди. Много. Молча. Они проходят мимо меня так близко, что я чувствую запах. Запах мокрой земли, крови и пота. Одежда на них разорвана, лица разбиты, руки в ссадинах и засохшей грязи. Они будто только что вылезли из драки. Или из могилы. Они не видят меня. Я стою посреди прохода, а они обходят меня, как обходят колонну. Опускаются на скамьи, тяжело, будто каждое движение причиняет боль. Никто не говорит. Никто не смотрит друг на друга. Они просто сидят, уставившись перед собой пустыми глазами. Я подхожу к одному. К мужчине. Он кажется мне знаком. Кажется, это... сосед наш. Его мать меня пугала в меньшем возрасте. Когда мне было лет 7-8, старуха говорила, что она ведьма. Что проклянет, если будем баловаться. Я ее боялась, искренне. А когда она умерла (относительно недавно), я продолжала ее бояться, хоть мне и исполнилось уже 10. Я боялась подходить к ее дому, не то что заходить в него. Её сын был другом нашей семьи. Особенный друг моей матери. Я видела, как он ее гладил по руке, как наклонялся и целовал в губы, пока она лежала на кровати. Она отгоняла его словами, но не руками. И однажды он пришел пьяный к ней в гости. Мама сказала выйти и прогнать его. Я вышла на веранду, где был грязный диван с окурками и пеплом. Он сидел. Я сказала уходить, что мама спит. Он пригласил меня сесть на диван и что-то мне рассказать. Я села. Он что-то показывал мне на телефоне. Потом

обнял, сказав, что я ему как дочь. Потом поцеловал в щеку. Я отстранилась, но не встала. И тогда он поцеловал меня в губы. Я почувствовала его мерзкий скользкий язык на губах и резко встала. Он извинился, предложив мне 500 рублей на примирение. Я послала его и захлопнула дверь в слезах. Подбежала к маме, объяснив ситуацию. Она лишь посмеялась и сказала, что надо было взять эти деньги на пельмени и пиво.

Этот мужчина умер спустя пару лет. Это он сидел в церкви. Мертвый, холодный и грязный. Я мечтала о его смерти два года. Когда его хоронили, я смотрела в его бледное лицо и плакала. Была напугана и рада. И вот он передо мной. Я наклоняюсь, вглядываюсь в его лицо. Он не реагирует. Я протягиваю руку и тыкаю пальцем ему в плечо. Раз. Другой. Палец уходит в грязь на его куртке, но он не вздрагивает. Не поворачивается. Он вообще не здесь. Я — здесь. Его — нет.

Я иду дальше, касаюсь других людей. Женщина с выбитыми зубами. Старик, у которого не хватает половины уха. Мальчик лет семи с содранными коленями и пустым, безразличным взглядом. Никто не реагирует. Они словно декорации, как мебель. Я злюсь, толкаю их сильнее, хватаю за руки, трясу. Но всё бесполезно..

А потом открывается ещё одна дверь.

Она в дальнем конце храма. Огромная, в два человеческих роста, и из неё веет таким холодом, что моя сорочка покрывается изморозью. Из темноты за дверью выходит нечто. Оно не входит — оно *выдавливает* себя в пространство, буд-

то ему тесно. Каменный голем. Я не знаю, откуда я знаю это слово, но оно всплывает в голове само. Он сделан из серого камня, покрытого трещинами, и в этих трещинах — лёд. Вместо глаз — две впадины, и в них клубится белая мгла. Он огромный. Он не должен здесь помещаться, но помещается, и от этого своды кажутся ещё выше, а колонны — тоньше. Кажется, я слышала где-то это слово. Но где я могла его видеть?

Он не смотрит на людей на скамьях. Он ищет. Поворачивает голову медленно, тяжело, и я чувствую, что он ищет меня. Я знаю это так же точно, как знаю, что я сплю. Он пришёл за мной. Я бегу. Я бросаюсь в боковой проход между колоннами и бегу. Пол под ногами всё тот же — гладкий, чужой, и мои босые ступни не чувствуют его. Бежать тяжело, будто воздух стал плотным, как вода. Я оглядываюсь и вижу, как голем делает шаг. Один. Всего один. Но храм вздрагивает, и где-то далеко осыпается штукатурка. Я бегу быстрее. Не получается. Ноги вязнут. И тут что-то меняется. Я отталкиваюсь от пола — и не касаюсь его. Я лечу. Медленно, низко, но лечу. Сорочка развеивается за спиной, ветер больше не режет — он несёт. У меня получается! Неужели я всегда так могла? Надежда вспыхивает в груди, горячая, живая. Я лечу по коридору, который тянется бесконечно, и стены здесь смыкаются всё теснее, но мне хватает места. Я вижу впереди поворот. Ещё поворот. Я петляю, как заяц, и слышу за спиной тяжёлый, каменный шаг. Он не бежит. Он просто идёт.

Но он не отстаёт.

Я залетаю в подвал.

Здесь темно. Свет идёт только откуда-то сверху, из щелей в потолке, и в этом свете я вижу, что подвал — это тоже коридор. Бесконечный. Уходящий в темноту. Я лечу по нему, а шаги за спиной становятся громче. Я не оборачиваюсь. Не могу. Если я обернусь, я увижу его, и тогда страх сожрёт меня целиком. Он не догоняет. Но он и не отстаёт. Он просто есть. За спиной. Всегда. Я задыхаюсь. Горло сжимается, лёгкие горят. Я не могу вдохнуть. Страх стал физическим, он внутри, он давит на рёбра изнутри. Я хочу кричать, но из горла выходит только сип. Я лечу, лечу, лечу, и коридор наконец заканчивается.

Зал зеркал.

Я влетаю в него и падаю на пол. Колени ударяются о камень, но боли нет. Только холод. Я поднимаю голову. Зеркала. Везде. Бесконечное количество. Они стоят вдоль стен, свисают с потолка, растут из пола, как ледяные кристаллы. В них отражается свет, и этот свет множится, дробится, пока не становится невыносимым. Я вижу себя. Много себя. Сотни, тысячи отражений. Я подхожу к ближайшему зеркалу. В нём — я. Босая, в сорочке, с растрёпанными волосами, с синими от холода губами. Всё правильно. Всё как должно быть. Я перевожу взгляд на следующее зеркало. Тоже я. И тут я замечаю.

На моём подбородке нет родинки.

Маленькой, тёмной, той самой, которую я вижу каждое утро, когда чищу зубы. Её нет. Я поднимаю руку, касаюсь подбородка — гладко. Кожа. Ничего. Я смотрю в следующее зеркало. Снова нет. В следующее. Нет. Везде. В каждом отражении я — это я, но без родинки. И тут я понимаю.

Это сон.

Я уже знала это раньше. Там, в церкви, когда голем вышел из двери. Но теперь это знание другое. Оно не помогает проснуться. Оно просто говорит: это не реальность. Это сон. И значит, здесь можно делать то, что нельзя в реальности. Я подхожу к зеркалу вплотную. Моё отражение смотрит на меня. Оно поднимает руку — и я поднимаю. Оно наклоняет голову — и я наклоняю. Но родинки нет. Значит, это не я. Значит, за стеклом — что-то другое. Или кто-то. Я протягиваю руку. Сначала медленно, боясь, что стекло окажется твёрдым. Но пальцы проходят сквозь. Холодный, гладкий край зеркала расступается, как вода, и моя рука уходит в другое пространство. Я чувствую, как что-то там, за стеклом, касается моих пальцев. Тоже холодное. Тоже тонкое. Пальцы.

Я делаю шаг вперёд — и оказываюсь в комнате. Знакомая комната, а точнее — зал с диваном, несколькими креслами, столом, на котором живёт в клетке попугай, и в самом начале — компьютер. Это дом бабушки. Безопасное место. Самое родное. Синий диван, на котором постелена простынь, мягкая подушка и тяжелое колючее одеяло. Мое пристанище, спокойствие. Мирок, где я прячусь и спокойно засыпаю

после побега из дома ночью. Тут я могу спрятаться, расслабиться, согреться и уснуть. Почему я не могу засыпать тут всегда?

Глава 3

Сон 3. Погреб.

Я знаю это место.

Я узнаю его раньше, чем понимаю, где нахожусь. Это не запах — запаха нет. Не свет — света тоже нет. Это что-то в самом теле. Что-то в коленях, которые сами собой подгибаются. Что-то в горле, которое сжимается. Что-то в пальцах, которые ищут опору, но находят только холодный бетон под собой.

Я сижу на полу.

Подвал маленький. Метра три на три. Стены — голый бетон, серый, в разводах, будто по нему текли слёзы и высохли. Потолок низкий, давит. Я сижу, и мне кажется, что если я встану в полный рост, я упрусь макушкой в холодные плиты. Смотрю вверх. Выхода нет.

Это погреб из моего детства.

Тот самый. Тот, который был в моей комнате. Не за шкафом, не в углу — в полу. Прямо под креслом. Тяжёлым, старым, с продавленным сиденьем. Чтобы попасть в погреб, нужно было отодвинуть кресло, поднять половицу, и тогда под ней открывался люк. Тёмный, узкий, с крутой лестницей. Туда спускались за банками с соленьями. Туда меня за-

ставляли спускаться. Я помню этот страх. Помню, как стояла над открытым люком и смотрела в черноту. Помню, как мама говорила: «Не бойся, там ничего нет». Но там *было*. Пауки. Крысы. Сырость. И темнота, которая смотрела на меня снизу, как глаз.

Сейчас здесь пусто. Ни банок. Ни полок. Ни паутины. Ни пауков. Ни крыс. Только бетон. Голый, гладкий, холодный. И я. Я пытаюсь встать. И не могу. Я смотрю вниз. На моей левой ноге, чуть выше щиколотки, — цепь. Толстая, ржавая, звенья размером с кулак. Она уходит в пол, в бетон, будто выросла в него. Я дёргаю ногой. Цепь натягивается, звенит, но не поддаётся. Я дёргаю сильнее. Больно. Кожа под цепью уже стёрта, я вижу красное. Я хватаю цепь руками, пытаюсь разжать звенья, тяну, кручу, но она только впивается в ладони.

Я в ловушке.

Страх приходит не сразу. Сначала — злость. Потом — растерянность. И только потом — страх. Тяжёлый, липкий, он поднимается откуда-то из живота, заполняет грудь, перехватывает горло. Я начинаю дышать чаще. Оглядываюсь. Стены. Пол. Потолок. Цепь. Я. Больше ничего.

Я знаю, что сплю.

Я знаю это так же точно, как знала в церкви и в зале зеркал. Это сон. Мой сон. И где-то там, наверху, в реальности, я лежу в своей кровати и вижу это. Но знание не помогает. Оно не даёт мне сил. Оно только делает страх ещё более острым, потому что я понимаю: это моё подсознание. Это я са-

ма заперла себя здесь. Я сама приковала себя к полу. И я не знаю, как себя отпустить.

В прошлый раз была родинка. Её не было — и я проснулась. Это подсказка. Я читала о таком. Во сне можно понять, что спишь, если посмотреть в зеркало и увидеть, что отражение не совсем верное. Или посмотреть на руки. Или попробовать закричать и не услышать голоса.

Мне нужно зеркало.

Я оглядываюсь. Стены голые. На бетоне — ни трещинки, которая могла бы дать отражение. Ни лужи, ни стекла, ни металла. Ничего. Я смотрю на цепь — ржавая, тёмная, не блестит. Я смотрю на свои руки — грязные, в ссадинах от цепи. Я смотрю на свои ноги — босые, синие от холода. Я смотрю на пол — гладкий, серый, мёртвый. Ничего, что могло бы отразить.

Подсознание хитрое. Оно знает, что я ищу. Оно убрало все зеркала. Оно убрало даже лужи. Оно оставило меня в комнате без отражений, чтобы я не могла увидеть себя. Чтобы не могла найти подсказку. Чтобы осталась здесь.

Я закрываю глаза. Пытаюсь вспомнить, как выглядит моё лицо. Родинка на подбородке. Маленькая, тёмная, чуть левее центра. Я вижу её мысленно. Я знаю её наизусть. Но это не помогает. Мне нужно *увидеть*. Не вспомнить. Увидеть. Я открываю глаза. Ничего не изменилось. Я всё ещё здесь. Цепь всё ещё держит. Страх всё ещё душит. Я начинаю плакать. Не от боли — от бессилия. Я знаю, что сплю. Я знаю,

что это сон. Но я не могу вырваться. Я как рыба на льду. Я как та девочка, которая тонула в реке. Я хочу закричать, но из горла выходит только шёпот. Я хочу позвать на помощь, но здесь никого нет. Я хочу проснуться, но не знаю как.

Я смотрю на свои руки. Просто смотрю. Без мысли. Без цели. Просто потому что больше некуда смотреть.

И вижу.

На левой руке, на той, которой я держала цепь, — пальцы. Я считаю. Указательный. Средний. Безымянный. Мизинец. Большой. Пять. Всё правильно.

Я перевожу взгляд на правую руку. Указательный. Средний. Безымянный. Мизинец. Большой. И... ещё один. Маленький, тонкий, он растёт между безымянным и мизинцем. Я смотрю на него и не понимаю. Я моргаю. Он не исчезает. Я шевелю им. Он двигается. Я касаюсь им большого пальца. Он касается. Это не галлюцинация. Это не обман зрения. Это моя рука. И на ней шесть пальцев.

Шесть.

Я сплю.

И тут всё рушится. Не сразу, не с грохотом — просто бетон подо мной становится мягким. Цепь исчезает. Стены расходятся, как дым. Потолок поднимается и растворяется в белом. Появившийся люк надо мной открывается сам собой, и оттуда, сверху, льётся свет. Я падаю — не вниз, а вверх, в этот свет, внутрь себя. И просыпаюсь.

Я лежу в своей кровати.

Сердце колотится. Простыня мокрая от пота. В комнате темно — должно быть, глубокая ночь. Я смотрю на потолок и пытаюсь выровнять дыхание. Медленно, вдох, выдох. Вдох, выдох. Я дома. Я в своей комнате. Я не в подвале. Я поднимаю руку. Правую. Смотрю на пальцы. Пять. Я считаю ещё раз. Пять. Нормально. Всё нормально. Я сажусь на кровати. Ноги касаются пола. Холодного. Я вздрагиваю. Смотрю вниз. Пол — обычный, деревянный, крашенный. Не бетон. Я выдыхаю.

И тут я вижу кресло.

Оно стоит в углу. Тяжёлое, старое, с продавленным сиденьем. То самое. Оно всегда было здесь. Оно было здесь, когда я была маленькой. Оно здесь и сейчас. И оно сдвинуто. Совсем чуть-чуть. Сантиметров на десять в сторону. Достаточно, чтобы под ним, в полу, стала видна щель. Тонкая, тёмная. Из неё тянет холодом и сыростью. И чем-то ещё. Чем-то, что я не могу назвать. Чем-то, что пахнет детством. Я сижу на кровати и смотрю на эту щель. Я знаю, что должна встать, задвинуть кресло обратно и лечь спать. Просто встать, подойти и задвинуть. Но я не могу пошевелиться. Потому что оттуда, из темноты под полом, я слышу звук. Тихий, едва различимый. Будто кто-то сидит на бетонном полу и тихо, очень тихо считает.

Один. Два. Три. Четыре. Пять.

Пауза.

Шесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.